

Когда принесли завтрак, Шэнь Юй взял палочки и сказал:

— Интересно, у Ван-лаобаня та же цель, что и у нас, или нет.

Цао-лаобань совершенно небрежно сказала:

— Хэй-хэй, та же - значит та же, не та - значит не та. Делайте своё. Неужели он ещё посмеет подсыпать яд в то, что вы приготовите?

Та же цель? Неужели они тоже приехали ради прощального пира? Чжоу Сяолэ спросил:

— А этот Ван-лаобань - кто?

— Он хозяин «Жуисюаня». А настоящий ли хозяин, тут уже трудно сказать.

Первую фразу Шэнь Юй произнёс обычным голосом, а на второй понизил его, но всё равно так, чтобы четверо сидевших за столом могли слышать.

Обычно у таких известных ресторанов за спиной тянется довольно много связей. Может, это совместное дело нескольких торговых домов; может, вывеска стоит лишь для отвода глаз; а может, этот человек и правда способен и сумел занять своё место на такой большой территории - всё это трудно сказать наверняка.

Впрочем, сейчас это было не то, о чём Чжоу Сяолэ должен был думать. Слава чанфэня пока ещё была недостаточно велика; к тому же с самого появления чанфэнь был уличной закуской и не шёл по дорожному пути, так что другие вовсе не обязательно посмотрят на него всерьёз.

— После завтрака можете прогуляться по префектурному городу. Днём будет жарко, смотреть особенно нечего, вернётесь и отдохнёте после полудня. Вечером комендантского часа нет, тогда и выйдете погулять.

Шэнь Юй предполагал, что Чжоу Сяолэ, должно быть, впервые приехал в префектурный город, и в душе у него неизбежно будет любопытство.

Прощальный пир назначен на завтрашний вечер, сегодня спешить некуда. Вещи, которые нужно взять с собой, завтра утром отнесут туда; в резиденции уже всё устроено, остаётся только прийти, слушать распоряжения и подавать блюда.

Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань переглянулись и тут же решили: после завтрака пойдут побродить по городу. Цао-лаобань махнула рукой и отказалась. В префектурном городе она бывала уже тысячу восемьсот раз: в каком переулке вино ароматнее всего, в каком переулке держат кур, в каком переулке больше всего крыс - всё это она знала яснее ясного.

Гулять по префектурному городу хуже, чем спать. Шэнь Юй сказал то же самое.

После завтрака четверо разошлись в разные стороны. «Чжэньпиньгэ» и так находился в самом центре префектурного города. Выйдя оттуда и идя вдоль реки, по обоим берегам можно было увидеть всевозможные лавки. Выбор здесь был богаче, чем в городке, и даже вывески у лавок были изысканнее.

Циннань славился прежде всего едой, и всю эту дорогу Чжоу Сяолэ обращал особое внимание именно на такие заведения. Он даже обнаружил несколько видов еды, о которых в прежней жизни никогда не слышал. Из интереса, стоило ему встретить незнакомое блюдо, он покупал порцию и пробовал.

Некоторые на вид казались ему совершенно незнакомыми, но стоило положить в рот, и оказывалось, что они почти не отличаются от чего-то, что он ел в прежней жизни. А некоторые он действительно никогда не слышал и никогда не пробовал.

— Не могу больше... — Чжоу Сяолэ снова увидел какую-то незнакомую еду и поспешно потянул Сюй Гуаня в другую сторону. — Если продолжу есть, боюсь, мне придётся десять кругов вокруг префектурного города пробежать, чтобы всё это переварить...

Сюй Гуань, который тоже наелся до предела, был полностью согласен.

Дорога, по которой они свернули наугад, вывела к северной части города. Пока они гуляли вдоль берега, у всех лавок по пути были навесы; карнизы плотно закрывали солнце, и жары почти не ощущалось. Только выйдя оттуда, они поняли, что уже близится полдень. Солнце палило беспощадно, и они не успели пройти далеко, как пот начал стекать вниз.

Сюй Гуань одной рукой заслонил глаза, огляделся по сторонам, увидел нужную лавку и, повернув голову, сказал:

— Лэ-гэр, подожди здесь немного, я пойду куплю зонт.

Когда Сюй Гуань побежал туда, Чжоу Сяолэ обернулся и нашёл место в тени, чтобы переждать.

Место, где он стоял, оказалось рядом с доской объявлений. На ней было наклеено немало официальных бумаг: некоторые недавние новости префектурного города, и среди них - известие о том, что правителя префектуры вскоре повысят и переведут в столицу. Наклеенная бумага была целой, с первого взгляда было ясно, что вывесили её совсем недавно. Рядом висели ещё объявления о награде за преступников.

Чжоу Сяолэ внимательно присмотрелся. В этом объявлении говорилось, что преступник украл немало кур и теперь находится в бегах. Тот, у кого есть сведения, может донести в ямен; если

сведения окажутся правдивыми, получит награду пятьдесят лян.

Чжоу Сяолэ цокнул языком и про себя подумал:

«Пятьдесят лян, это же сколько кур надо было украсть?»

Края этой бумаги потрескались, иероглифы тоже немного выцвели; похоже, висела она уже довольно давно. Просто человека так и не поймали, поэтому её всё ещё не сняли. Даже непонятно, как этот вор так хорошо умеет прятаться.

Когда смотришь на текст, не обращаешь внимания на рисунок; а когда посмотрел на рисунок, стало ясно: поймать не могут, наверное, главным образом из-за портрета.

На портрете вор был с закрытым лицом, кто же такого узнает?

— А?

Под этой бумагой была ещё одна, более пожелтевшая, и объявление о награде за преступника прикрывало её край. Чжоу Сяолэ сначала не заметил этот лист, но в наклеенном документе одно слово привлекло его внимание.

— Мятеж? — тихо прочитал Чжоу Сяолэ. — Вау... вот это и правда редко увидишь... Двадцать восьмой год Шуньпин, первый месяц, бывший премьер-министр Гуань Юаньшань поднял мятеж... казнён на месте?

По виду той бумаги сразу было понятно, что висит она уже очень давно. По обычному порядку её должны были сорвать или перекрыть новыми объявлениями, но из-за того, что на ней было написано о преступлении мятежа, её и оставили до нынешнего времени.

На ней подробно описывался ход мятежа Гуань Юаньшаня. От начала дела до провала прошло всего несколько часов, после чего его схватили; доказательства были неопровержимы, и его казнили на месте. Кого-то из его рода сослали, кого-то обезглавили. Важный сановник двора и весь его род в одно утро рухнули и исчезли.

— Этот премьер-министр, случайно, не дурак? — пробормотал Чжоу Сяолэ. — Всего несколько часов, и уже убит...

Несколько часов...

Если дворец хоть немного большой, там только пешком больше получаса идти можно. Раз уж замахнулся на мятеж, наверняка амбиции были немалые. И всё же... похоже, только вошёл и тут же провалился.

Впрочем, это дело случилось ещё в начале года. Тогда Чжоу Сяолэ всё ещё продавал чанфэнь в прежней жизни и вовсе не думал, что однажды сможет переродиться здесь. Эти дела были от него слишком далеки. Он посмотрел на них как на любопытное зрелище и не стал больше обращать внимания. Он уже собирался посмотреть следующее объявление, когда Сюй Гуань вернулся с зонтом. Он купил большой зонт, достаточно широкий, чтобы под ним могли идти двое.

Сюй Гуань сказал:

— Прости, долго ждал?

— Нет, — Чжоу Сяолэ улыбнулся. — Разве это долго? Всего ничего. К тому же я как раз смотрел объявления и даже не заметил времени.

Сюй Гуань проследил за взглядом Чжоу Сяолэ и одним взглядом, по десять строк за раз, прочитал все объявления. Потом с сомнением сказал:

— Почему портрет этого вора тоже с закрытым лицом?

— Возможно, рисовали по словам очевидца. Очевидец не видел лица вора, значит, естественно, не стал выдумывать.

— Тогда этого... боюсь, поймать не удастся.

— Раз объявление висит так давно и его не сняли, скорее всего, до сих пор не поймали, — сказал Чжоу Сяолэ. — Смотри, сзади есть ещё один лист, висит ещё дольше. Там написано, что бывший премьер-министр нынешней династии поднял мятеж и был казнён на месте. Что это был за бывший премьер-министр пошёл на мятеж?

Взгляд Сюй Гуаня скользнул туда. Он прочитал всё строку за строкой и только потом сказал:

— Те, кто поднимает мятеж, по большей части великие злодеи и нечестивцы.

— Может быть. Но бывают и исключения.

Сюй Гуань не ожидал, что он так скажет, и несколько удивлённо спросил:

— Какие исключения?

— Когда народные сердца спокойны, семья и государство в мире, мятежники действительно таковы. Но если у власти дурной правитель, а народ не может жить, тогда тот, кто поднимает

восстание ради семьи, ради народа, ради страны, - это великая справедливость.

Сюй Гуань долго молчал после этих слов. Лишь спустя долгое время он сказал:

— Жаль, что всё было ради личной корысти и погубло из-за личной корысти.

Полуденное солнце палило слишком сильно; даже зонт не мог остановить жаркий поток. Чжоу Сяолэ тут же решил вернуться в «Чжэньпиньгэ», а вечером снова выйти погулять.

Они вдвоём пошли обратно прежней дорогой. Когда поднимались на мост, им встретился старик, преградивший путь.

— Гости, не желаете ли прокатиться на лодке вокруг Циннаня? Пятнадцать вэней за круг! Смотрю, лица у вас незнакомые, издалика приехали? — с улыбкой спросил старик.

Плыть обратно на лодке действительно было быстрее, чем идти пешком; только неизвестно, можно ли причаливать где угодно.

Чжоу Сяолэ спросил:

— Дядюшка, ваша лодка может остановиться в любом месте? Сейчас солнце слишком сильное, прогулка вокруг города нам не нужна. Просто отвезите нас обратно к «Чжэньпиньгэ».

— Можно, можно. Если гость захочет пристать к берегу, в любой момент скажите старику одно слово, и всё!

Прежде они шли и ели по дороге, поэтому двигались медленно, а теперь возвращались на лодке и добрались меньше чем за четверть часа. Старик-лодочник тоже не стал брать лишнего и с весёлым видом принял пять медных монет.

Место, где лодка причалила к берегу, находилось прямо перед главными воротами «Чжэньпиньгэ», и им не пришлось идти по извилистому деревянному мосту. Едва они сошли с лодки, как увидели, что навстречу спешат трое: это явно были встреченный утром Ван-лаобань, Чжоу Линь и ещё один человек, должно быть, тоже из людей Ван-лаобаня.

Все трое шли торопливо; увидев, что кто-то сошёл с лодки, они сразу поднялись на неё. Только когда лодка отплыла, Чжоу Линь обернулся и посмотрел на спину Чжоу Сяолэ.

— Куда желают отправиться трое гостей? — спросил старик-лодочник.

Чжоу Линь сказал:

— Нам нужно в южную часть города. Сколько стоит в одну сторону?

— Южная часть подальше, десять вэней.

С тех пор как трое сели в лодку, они были беспокойны и встревожены; на пейзажи по берегам реки у них совсем не было настроения смотреть. Очевидно, дело у них было срочное. Старик-лодочник попробовал перекинуться несколькими фразами, но трое отвечали рассеянно и сухо. Увидев такое, старик молча ускорил работу шестом, боясь задержать дела гостей.

Когда они сошли с лодки, трое только тогда начали разговаривать. Ван-лаобань, понизив голос, резко сказал:

— Почему ты раньше не рассказал мне эту новость?

Чжоу Линь сказал:

— Прежде чиновные господа из резиденции тоже не присылали людей сообщить. Только в полдень, случайно встретившись, я неожиданно узнал.

Ван-лаобань сказал:

— Завтра уже пир. Если в такой момент что-то пойдёт не так, всё пропало!

Другой человек с упрёком сказал:

— Такое важное дело, Чжоу Линь, а ты даже как следует не следил.

Этот человек был одним из главных поваров «Жуисюаня»; сейчас именно он должен был готовить блюда для прощального пира.

Чжоу Линь не смел его обижать, но и брать вину на себя не хотел. Он быстро скользнул по нему взглядом и сказал:

— Дела чиновных господ... Если они сами не говорят, я тоже не смею много расспрашивать. Если бы я прежде не угощал того господина-чиновника, сегодня, встретив меня, он, может быть, и вовсе не обратил бы внимания.

Главный повар сказал:

— Такую мелочь ты даже расспросить не смеешь? Боюсь, серебро, которое дали на угощение, ты и не потратил до конца?

— О тех деньгах я всё подробно объяснил счетоводу. Если главный повар не верит, может сходить проверить.

— ...Что ты этим хочешь сказать?

Счётами занимался родственник Ван-лаобаня, и слова Чжоу Линя прозвучали так, будто он говорит: главный повар недоволен счетоводом. А недоволен счетоводом, разве это не значит, что он недоволен порядками Ван-лаобаня?

— Хватит спорить, — стоило Ван-лаобаню открыть рот, как оба сразу замолчали. — Обо всех этих делах Чжоу Линь уже докладывал мне.

И словами, и смыслом он явно защищал Чжоу Линя. Главный повар тайком холодно фыркнул, а в душе злобно выругался: мусор, умеющий только жить за чужой счёт!

За разговором трое подошли к задним воротам резиденции правителя префектуры. У ворот стояли двое привратников, прислонившись к стене и клюя носом. Увидев, что кто-то пришёл, один из них вздрогнул и проснулся.

— Братья, управляющий Цай сейчас в резиденции? — с улыбкой спросил Ван-лаобань.

— Здесь, подождите немного, — сказал один из привратников и быстро побежал внутрь.

Вскоре привратник вывел человека. Управляющий Цай, едва увидев Ван-лаобаня, сразу понял, зачем тот пришёл, и поспешно отвёл этих троих в сторону.

Ван-лаобань с заискивающей улыбкой спросил:

— Управляющий Цай, почему вдруг больше не нужны закуски и основное блюдо от нашего заведения?

Управляющий Цай сказал:

— Ван-лаобань, не спешите тревожиться. Это дело - недоразумение!

— Недоразумение?

— Да. Изначально действительно заказали закуски и основное блюдо у вас. Потом один господин неизвестно где нашёл какую-то еду, называется чанфэнь. Название всем незнакомое, все решили, что это закуска. Тот чиновный господин тоже не объяснил ясно, только сказал добавить блюдо. Люди внизу тоже не расспросили как следует и в полной путанице

вычеркнули закуски Ван-лаобаня. К счастью, тот господин только что снова приходил и объяснил: этот чанфэнь - основное блюдо. Так что закуски Ван-лаобаня подаются, как и прежде!

Услышав это, Ван-лаобань наконец выдохнул с облегчением, но, обдумав слова управляющего Цая, снова почувствовал, что что-то не так, и спросил:

— Закуски подаются, как прежде. А основное блюдо?

На лице управляющего Цая появилось лёгкое смущение.

— Тот господин упомянул чанфэнь, так что ваше основное блюдо...

Недосказанное все трое поняли. На их лицах в один миг сменилось множество выражений.

<http://bllate.org/book/17639/1752195>